

В голове у Чжэнь Цюна царил хаос. Он с подозрением посмотрел на Ми Фу:

— Ты, ты откуда знаешь, что это любовная тоска?

— Хе-хе, прочитанных мной стихов и поэм хватит, чтобы сложить стопку выше тебя, — уверенно выпрямился Ми Фу. — Что такое «чувства», я, конечно, понимаю лучше тебя!

— Ты ведь даже не решаешься прикоснуться к людям! — Чжэнь Цюн, раздраженный выражением лица парня, тут же возразил.

— Кто сказал, что я не решаюсь? Просто нужно несколько раз помыться, чтобы быть чистым, — Ми Фу не собирался уступать и, наоборот, поддразниваяще улыбнулся. — А ты, похоже, даже не осмелишься поцеловать кого-нибудь.

Поцеловать... Лицо Чжэнь Цюна мгновенно вспыхнуло, и он, словно пружина, вскочил с низкого дивана. Сделав несколько быстрых шагов, он убежал в спальню.

Наблюдая за растерянной спиной парня, Ми Фу почувствовал себя победителем и с удовольствием уселся обратно, продолжая наносить макияж.

В комнате Чжэнь Цюн, словно кот с подожженным хвостом, метался из угла в угол, не в силах усидеть на месте. Он любит господина Хань? Когда его наставники влюблялись в кого-то, они обязательно спали вместе. А он с господином Хань еще не спал, так как же он может быть влюблен? И эта любовная тоска, разве это не болезнь, из-за которой человек теряет аппетит и худеет? Он ест и спит как ни в чем не бывало и не похудел!

Нет, это не так. Когда он обедал с господином Хань, еда казалась особенно вкусной. И когда он касался руки господина Хань, сердце билось сильнее обычного. А тяжесть в груди была из-за недоразумения с господином Сунь...

Лицо становилось все краснее, и Чжэнь Цюн, схватившись за голову, присел на корточки. Да, он точно влюбился в господина Хань. Ведь он такой красивый, богатый и добрый...

В голове загудело, и внезапно возникла мысль. А любит ли его господин Хань?

Наверное, любит! Ведь господин Хань хотел содержать его! Сердце екнуло, и в груди словно распустился нежный цветок. Но прежде чем Чжэнь Цюн успел обрадоваться, он вдруг вспомнил, что господин Хань потом отказался подписывать контракт...

Цветок грустно завял.

Чжэнь Цюн простонал, не зная, что делать. Может, стоит спросить господина Хань? Отсидев на корточках до онемения ног, он наконец решил. Гадать бесполезно. А вдруг господин Хань действительно любит его, и тогда он сможет... сможет поцеловать его?

Но как бы он ни думал, вопрос заключался в том, как начать разговор. Прежде чем Чжэнь Цюн успел набраться смелости, Хань Мяо снова появился в боковом дворе.

— Цюн, ты свободен? В магазине планируют выпустить две новые пудры, и мне нужно, чтобы ты проверил, подходят ли ингредиенты, — с улыбкой Хань Мяо достал из кармана два фарфоровых флакона.

Оказывается, дело. Чжэнь Цюн поспешно проглотил все слова, готовые сорваться с языка. То,

что еще пару дней назад казалось интересным делом, теперь уже не привлекало, а скорее раздражало.

Этот взгляд, полный сомнений и нерешительности, не ускользнул от глаз Хань Мяо. Сердце дрогнуло, и он с улыбкой произнес:

— Эта пудра сделана на основе талька. Она не только нежная, но и хорошо скрывает шрамы. Можно ли воспользоваться твоей рукой для пробы?

А? Чжэнь Цюнь не понял, но, поддавшись обаянию улыбки, протянул руку. Хань Мяо спокойно открыл крышку флакона, зачерпнул немного пудры пальцем, взял запястье Чжэнь Цюня и нежно втер ее в кожу.

Рука, держащая его, была сухой и теплой, а пальцы, скользящие по коже, — прохладными и гладкими. Чжэнь Цюнь почувствовал, как по телу пробежали мурашки. Словно загипнотизированный, он смотрел на действия Хань Мяо, наблюдая, как легкие шрамы исчезают под слоем пудры, похожей на мелкий снег.

— Как? Пудра неплохая, правда? — звук его голоса словно доносился из самого уха. — Кроме талька, в ней есть дудник даурский и рисовая пудра, смешанные с яичным белком. Если добавить цветочную воду, она будет держаться на лице дольше. Только не знаю, вреден ли тальк?

— Нет... не вреден... — голос Чжэнь Цюня дрожал, кровь прилиwała к лицу, и казалось, что из макушки вот-вот пойдет пар.

Улыбка Хань Мяо стала еще шире. Он отпустил Чжэнь Цюня и взял другую коробочку:

— Это румяна, их можно наносить и на губы. В них смешаны свиной жир, сафлоровые румяна и цветочный мед. Цвет яркий, и они увлажняют губы. Хочешь попробовать?

Ярко-красная помада лежала перед ним, но она не была так прекрасна, как слегка изогнутые улыбающиеся глаза. Чжэнь Цюнь почувствовал, как его душа покинула тело. Словно в трансе, он обмакнул палец в помаду и сунул его в рот. Она была немного ароматной, немного сладкой, как цветок, расцветший в его сердце, который дрожал и качался без остановки.

Красный цвет окрасил его губы, коснулся языка, словно покрасил лицо и увлажнил глаза. В растерянных глазах Чжэнь Цюня Хань Мяо увидел что-то новое, что заставило его невольно наклониться ближе к человеку перед ним.

Глядя на лицо, которое становилось все ближе и больше, сердце Чжэнь Цюня забилося, и тело его слегка дрогнуло. Однако ожидаемое не произошло. Хань Мяо остановился на очень близком расстоянии, с улыбкой на губах, и легонько провел подушечкой пальца по его губам.

— Здесь немного испачкалось... — мягко произнес Хань Мяо.

Он чуть было не потерял контроль. Даже если Чжэнь Цюнь влюбился, не стоило быть таким резким...

Жар осенней засухи смешался с неуловимым ароматом, исходящим от человека перед ним. Глядя на губы, слегка приподнятые и идеальной формы, которые постепенно удалялись, Чжэнь Цюнь мог думать только о «поцелуе». Не обращая внимания на пудру и помаду, он невольно сделал шаг вперед, оказавшись в объятиях Хань Мяо, вытянул шею и прижался к давно

желанным губам.

Раздался глухой звук, и Чжэнь Цюнь отшатнулся, прикрыв нос и рот рукой. Глаза наполнились слезами.

Больно! Нос болел, губы горели. Где же мягкость и тепло? Чжэнь Цюнь был в полном замешательстве. Это не то, что он представлял под «поцелуем»!

Рука легла на спину Чжэнь Цюня, и в ушах раздался сдержанный смех:

— Цюнь, ты что, хотел поцеловать меня?

Хань Мяо тоже почувствовал боль от удара, но тот факт, что Чжэнь Цюнь сам бросился в его объятия, был неоспорим. Он слегка наклонился, приблизившись к лицу Чжэнь Цюня.

Чжэнь Цюнь был одновременно смущен и растерян, не зная, как ответить. К счастью, Хань Мяо понимал его. Он мягко улыбнулся:

— Если хочешь кого-то поцеловать, делай это не так.

С этими словами Хань Мяо аккуратно отнял руку Чжэнь Цюня от рта, наклонил голову и поцеловал его. Губы были мягкими и немного сухими, дыхание было так близко, что вызывало зуд в сердце. Чжэнь Цюнь даже не успел закрыть глаза. Но в этот момент он уже ничего не видел. Глаза потемнели, все чувства сосредоточились на губах.

Но это было лишь мгновение, и губы снова отошли. Улыбающиеся глаза снова оказались перед Чжэнь Цюнем.

— Понял?

Чжэнь Цюнь быстро кивнул, невольно сглотнув слюну.

Глядя на его полный желания взгляд, кадык,двигающийся в горле, и хвост, готовый вильнуть, улыбка Хань Мяо стала еще шире:

— Хочешь попробовать?

Не дожидаясь повторного приглашения, Чжэнь Цюнь быстро приблизился, избежав столкновения носами, и нежно прижался к улыбающимся губам. Так же, как и раньше! Нет, даже лучше! В сердце расцвел целый букет цветов, наполнив грудь, а громкое сердцебиение отдавалось в висках, заставляя барабанные перепонки слегка дрожать.

Когда он отстранился, губы Чжэнь Цюня были сухими, и он невольно облизнул их.

Этот жест, одновременно невинный и соблазнительный, заставил сердце Хань Мяо пропустить удар. Притянув Чжэнь Цюня к себе, он с улыбкой спросил:

— Ты не поранил губы?

Чжэнь Цюнь снова облизал губы. Только он почувствовал легкую боль, как красивое лицо снова приблизилось.

— Если поранил, нужно хорошенько полизать...

Эти слова, легкие, как перышко, проникли в уши. И что-то мягкое и скользкое тоже проникло внутрь. Чжэнь Цюнь задержал дыхание, и перед глазами словно что-то взорвалось. Затем его сознание помутнело, и он почувствовал, как во рту стало влажно, а спина онемела. Даже если он касался раны, он не чувствовал боли. Напротив, все его тело дрожало, словно кто-то высасывал из него душу. Пока он не смог дышать, это раздражающее ощущение не прекратилось, превратившись в тихий смех в ушах:

— Вдохни...

Губы Чжэнь Цюня наконец освободились, и он с жадностью вдохнул. Разноцветные звезды и цветы рассеялись. Только тогда он понял, что находится в объятиях господина Хань. От груди до живота они прижались друг к другу так плотно, что не осталось ни малейшего зазора. Два сердца бились рядом, ударяясь о грудь друг друга.

— Господин Хань тоже любит меня, — прошептал Чжэнь Цюнь, словно во сне.

<http://bllate.org/book/16827/1547455>